

СВѢТЪ И ТѢНИ

Рубб ССССЛХХХІІІ Русское Слово
1904 если бы онъ былъ боленъ!

Онъ лежитъ въ постели, такой симпатичный, блѣдный и томный, съ продолговатымъ оваломъ нѣсколько меланхолическаго лица.

Доктора еще не пришли къ опредѣленному мнѣнію относительно формы его бо-лѣзни.

Собственно говоря, они даже не знаютъ навѣрное, боленъ-ли онъ вообще, или пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ.

Его любятъ многіе и многіе.

Въ то время, когда онъ лежитъ на своемъ одрѣ, къ нему тянутся привязанныя невидимыми, но крѣпкими, какъ сталь, нитями тысячъ сердецъ, и каждое трепетно и тревожно бьется, болѣя за его судьбу.

Туда, гдѣ онъ лежитъ блѣдный и томный, съ отбѣнкомъ нѣжной грусти на симпатичномъ лицѣ, туда приходятъ спрашивать о его судьбѣ.

Придетъ дѣвушка, милая и юная, какъ весна, и, волнуясь, робѣя и собирая все свое мужество, спроситъ:

— Можно-ли видѣть его?

Увы, она сама превосходно понимаетъ, что хочетъ достичь недостижимаго: она подготовлена къ тому отрицательному отвѣту, который получится на ея просьбу.

Но тѣмъ или инымъ путемъ она добивается бесѣды если не съ докторомъ, то хотя бы съ фельдшеромъ, сестрой милосердія, сидѣлкой или даже швейцаромъ:

— Ну, что, какъ онъ—боленъ?

— Еще, сударыня, неизвѣстно...

— Но какъ вы думаете, что вѣроятнѣе?

И, судя по той тревогѣ, съ какою молоденькое милое личико ждетъ отвѣта, вы думаете, что самое предположеніе о бо-лѣзни человѣка съ блѣднымъ и томнымъ лицомъ можетъ убить эту дѣвушку.

Но эффектъ получается какъ разъ обратнаго свойства.

— Да, какъ будто бы боленъ, на то похоже, — произносить собесѣдникъ, и личико дѣвушки отъ шеи до корней волосъ заливається пожаромъ радостнаго румянца.

— Правда? Правда? Вѣдь, боленъ? Я такъ и знала!

— Вѣроятно, боленъ.

— Спасибо! — и если бесѣда идетъ не со швейцаромъ, дѣвушка крѣпко и нѣсколько разъ жметъ руку собесѣдника.

Если это швейцаръ, онъ получаетъ щедрое «на чай».

Попробуйте отвѣтить:

— Нѣтъ, онъ, кажется, совершенно здоровъ, — и брови вопрошающей нахмурятся, въ глазахъ выразится испугъ, щеки поблѣднѣютъ, и на рѣсницы вотъ-вотъ готова вылиться уже увлажнившая глазъ слеза.

— Что вы говорите? Нѣтъ, это неправда! Отчего же онъ не можетъ заболѣть? Онъ боленъ, онъ очень боленъ... мнѣ такъ хочется, чтобы онъ былъ боленъ!..

И многимъ, очень многимъ такъ хочется, чтобы онъ былъ боленъ.

Докторъ, который внимательно изучаетъ его организмъ, раздумывается, безпристрастенъ, какъ сама Фемида, но и его лицо, въ тѣ дни, когда ему кажется, что человѣкъ съ блѣднымъ и томнымъ лицомъ достаточно здоровъ, начинаетъ какъ будто бы немного хмуриться, щиплетъ усы на губѣ и бормочетъ:

— Гм... гм...

Но зато, когда онъ улавливаетъ симптомы, которые говорятъ ему, что этотъ человѣкъ боленъ, боленъ серьезно, его лицо просвѣтлѣетъ и даже складывается въ улыбку.

И тысячи, многія тысячи людей отъ всего сердца хотятъ, чтобы онъ былъ боленъ.

Потому что всѣ они его любятъ, и потому, что онъ—Леонидъ Витальевичъ Собиновъ, и потому, что если онъ здоровъ, то ему придется идти сражаться.

И не будетъ уже онъ тогда пѣть:

«Что день грядущій мнѣ готовитъ?..»

— а будутъ пѣть это, въ примѣненіи къ нему, всѣ, кто его любятъ.

И знаете-ли вы, что въ этомъ желаніи, чтобы Собиновъ оказался больнымъ, лежитъ не одинъ психопатизмъ, что оно не продиктовано отсутствіемъ гражданскихъ чувствъ, что здѣсь есть нѣчто болѣе глубокое и серьезное.

Крупный, очень крупный талантъ во всѣхъ областяхъ—явленіе рѣдкое и драгоценное. Онъ—достояніе народа и долженъ быть израсходованъ съ наибольшею пользою. Этого требуетъ экономія.

Отправитъ огромный талантъ туда, гдѣ требуется мускульная сила, это—большая и непродуманная роскошь. Исползовать человѣка не въ той области, гдѣ предназначилъ ему быть его талантъ, значитъ, потерять его.

Я знаю, что это вовсе не такъ просто; что формулировка этой мысли, въ видѣ закона, встрѣтитъ немало затрудненій, а примѣненіе такого закона, если бы онъ явился, вызвало бы многочисленныя недоразумѣнія, но все же, въ интересахъ государства, человѣчества, нужно, чтобы исключительные таланты не были использованы, какъ рядовая сила.

Заставитъ Скобелева нести какую-нибудь мирную, но рядовую службу, для которой у него нѣтъ особыхъ способностей и призваній, такъ же нерасчетливо, какъ, напримѣръ, использовать Чехова въ качествѣ рядового.

Я не развиваю здѣсь этой мысли, я дѣлаю только намекъ, даю точку отправленія, ставъ на которую, вы поймете желаніе многихъ и многихъ, любящихъ Собинова:

— Ахъ, если бы онъ былъ боленъ!..

СЕРГѢЙ ЯБЛОНОВСКІЙ.